

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

В. И. ПАНОВ

(СТАЛИНСК)

ОБ ОТЛИЧИЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА ОТ ЯЗЫКА НАРОДНОСТИ

(Критический разбор взглядов проф. Г. Д. Санжеева)

Поскольку национальный язык развивается из языка народности и, таким образом, исторически следует за ним, поскольку эти два вида языка возникают и существуют в разные эпохи истории общества, очевидно, что национальный язык и язык народности должны отличаться друг от друга и несомненно отличаются. В чем, однако, состоят эти отличия?

После раскрытия И. В. Сталиным философской и исторической несостоятельности учения акад. Н. Я. Марра, не признававшего единых и общих языка народности и национальности, вопрос об отличиях национального языка от языка народности впервые широко поставлен в статье проф. Г. Д. Санжеева «Образование и развитие национальных языков в свете учения И. В. Сталина»¹.

Проф. Г. Д. Санжеев с полным основанием рассматривает, с одной стороны, состав языка, именно его основной словарный фонд и грамматический строй, а с другой — объем общественных функций языка, сферу применения его в обществе, иными словами, отдельно разбирает и решает вопрос, отличается ли национальный язык от соответствующего языка народности, во-первых, по своему составу и, во-вторых, по объему общественных функций.

Однако удовлетворительного ответа на поставленный вопрос проф. Г. Д. Санжеев в своей статье, к сожалению, не дал, и ряд положений его статьи вызывает существенные возражения. Критически рассмотреть, как в статье Г. Д. Санжеева освещается вопрос об отличиях национального языка от языка народности, важно уже по одному тому, что весь сборник, в котором помещена эта статья, предназначен для студентов и преподавателей вузов и до сих пор служит им пока единственным пособием по общему языкознанию.

Проф. Г. Д. Санжеев правильно указывает на известное положение о том, что во многих странах мира у разных народов до преобразования их в нацию в письменности и в качестве церковного языка употреблялся не родной язык народности, а чужой (латынь в странах Европы, арабский язык в странах неарабского мусульманского мира и т. д.)². Поскольку с преобразованием таких народов в национальности их родной язык, кроме сферы устного делового общения, стал употребляться, вместо

¹ Сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», изд-во Моск. ун-та, 1950, стр. 101—128 (2-е переработанное изд., 1952, стр. 321—371).

² Сб. «Вопросы языкознания...», 1952, стр. 336.

чужого языка, также в художественных, публицистических и научных сочинениях, проф. Г. Д. Санжеев резонно заявляет, что «первая особенность в образовании национального языка заключается в ликвидации „ножниц“ (т. е. расхождений, различий — В. П.) между народно-разговорным и письменным языками... Общенародный разговорный язык, становясь национальным, делает излишним наличие особых письменных и официально-канцелярских, функциональных... языков, так как берет на себя и их функции и устную и письменную формы их выявления»³.

Из этого положения следует, что многие известные национальные языки, например русский, чешский, польский, немецкий, венгерский, от соответствующих им языков народностей отличаются значительно более широкой сферой применения в обществе, или — по терминологии проф. Г. Д. Санжеева — большим объемом своих реально выполняемых общественных функций.

Так проф. Г. Д. Санжеев освещает одну сторону общего вопроса, именно — вопрос об отличиях национального языка от языка народности по объему их общественных функций. Это заключение проф. Г. Д. Санжеева в его общем виде соответствует действительности, и его можно лишь конкретизировать или иллюстрировать фактами истории разных языков.

Что касается освещения другой стороны вопроса, именно — вопроса об отличиях национального языка от языка народности по их составу, то здесь проф. Г. Д. Санжеев впадает в противоречия с положениями классиков марксизма и с другими своими собственными положениями из той же статьи. Недаром проф. А. С. Чикобава в своей рецензии еще на первое издание сборника «Вопросы языкознания...» заметил, что «собственно лингвистическая сторона вопроса в статье проф. Г. Д. Санжеева представлена слабо»⁴.

Известно, что преобразование языка народности в язык национальный классики марксизма понимают как обусловленный экономической и политической концентрацией народности процесс преодоления в языке его местных диалектов, процесс их сближения и слияния. Процесс концентрации местных диалектов в единый национальный язык при любых обстоятельствах, при которых народности преобразуются в нации, по общему своему содержанию представляет собой вытеснение одних диалектных элементов речи и обобщение других.

Так, например, известно, что в древней Руси, когда русский язык был еще языком русской народности, для обозначения сельского жителя у носителей разных местных диалектов на протяжении ряда веков употреблялись свои разные названия: «Новгородцы», — пишет акад. Б. Д. Греков, — по-своему называли сельское население Суздальщины смердами, а сами суздальцы, как и вся Волжско-Окская территория этим термином пользовались редко. В Центральном междуречье летописный термин «смерд» юга и северо-запада Руси заменялся терминами «сирота» или «крестьянин»⁵. А позднее, в ходе образования национального русского языка, термин *смерд* южных и северо-западных диалектов был совсем вытеснен, между тем как название *крестьянин* повсеместно, взамен первоначального значения «христианин» или наряду с ним, приобрело значение «земледелец» или «податной селянин»⁶ и в этом значении вошло в общерусский обиход.

Известно также, что в русском языке, когда он был еще языком русской народности, у носителей разных местных диалектов образовалось различие

³ Там же, стр. 338.

⁴ А р н. Ч и к о б а в а. Новые работы по языкознанию, «Правда», № 99 от 9 апреля 1951 г.

⁵ Б. Д. Греков. Киевская Русь, М., 1949, стр. 218.

⁶ См. И. И. С р е з н е в с к и й, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, СПб., 1893, стр. 1344—1345.

в произношении безударных гласных *а, о, е*, именно: говор всех северян оставался окающим, а говор южан стал отличаться аканьем, южане стали говорить: *здоровье, варона, вяду, нясу* и т. п. Это различие установилось и держалось не только в устной речи, но до некоторой степени отражалось и на письме, в речи письменной. А позднее, когда началась концентрация местных диалектов в единый национальный язык, оканье северян в полосе, пограничной с южанами, стало вытесняться аканьем и к настоящему времени вытеснено у огромной массы северновеликорусского населения, причем в сфере литературной речи аканье некогда бывшее диалектно-областной чертой, обратилось в общерусское явление.

Понятно, что по своему направлению к результатам подобного рода преобразования в языке представляют собой движение от диалектной пестроты в составе языка к единству, процесс преодоления в составе языка его диалектно-областной раздробленности.

В той или иной мере диалектно-областные различия длительное время сохраняются еще и в составе национального языка, особенно у неграмотной и малограмотной, в общественном отношении более отсталой части сельского населения. Остатки диалектно-областных различий длительное время держатся еще и при социализме, хотя в это время и возникают условия, которые ускоряют изживание таких различий. Это длительное сохранение части бывших диалектно-областных различий можно наблюдать на составе русского языка и на составе многих других национальных языков. Но как бы медленно ни происходило сближение и слияние местных диалектов и каким бы малозначительным ни представлялось оно в той или иной сфере языка, — возникновение и развитие этого процесса по существу своему, в принципе означает сокращение диалектно-областной раздробленности в составе языка, усиление его структурного единства. Следовательно, надо считать, что национальный язык от соответствующего языка народности отличается большей мерой единства своего состава в речи носителей языка из разных мест его распространения.

Можно было бы подумать, что проф. Г. Д. Санжеев вполне разделяет именно такой взгляд, такое понимание существа и результатов процесса преобразования языка народности в национальный. Он говорит, что «диалектальная раздробленность языка и степень этой раздробленности имеют очень важное значение потому, что ими определяются характер, темп, особенности и условия образования и дальнейшего развития национального языка, если иметь в виду лишь специально лингвистическую сторону дела...»⁷. В другом месте, говоря о «развитии национальных языков вообще», проф. Г. Д. Санжеев даже прямо заявляет, что «принципиально» это «развитие национальных языков» заключается «в постепенной ликвидации и «отмирания... диалектальной раздробленности» этих языков»⁸.

Но эти, часто цитируемые, замечания Г. Д. Санжеева не согласуются с положением, которое он особо выдвигает. Именно, проф. Г. Д. Санжеев ставит перед собой вопрос, происходят ли в основном словарном фонде и грамматическом строе языка народности при преобразовании ее в национальный какие-либо такие изменения, которые позволяли бы установить отличия национального языка от языка народности, и заключает, что таких изменений в языке не происходит, в связи с чем, отвечая на свой вопрос, он утверждает: «По своим структурным особенностям, т. е. по своему грамматическому строю и основному словарному фонду, национальный язык ничем не отличается от языка народности»⁹.

⁷ Сб. «Вопросы языкознания...», 1952. стр. 346.

⁸ Там же, стр. 352.

⁹ Там же, стр. 332.

Это — главное положение из того нового, что выдвигает проф. Г. Д. Санжеев, когда стремится осветить процесс образования национальных языков в духе учения И. В. Сталина; но именно это положение прежде всего вызывает возражения, и с ним трудно согласиться: оно противоречит и фактам истории языков, и приведенным выше положениям классиков марксизма, и собственным заявлениям проф. Г. Д. Санжеева.

Нельзя забывать ни того, что местные диалекты имеют свой основной словарный фонд и свой грамматический строй¹⁰, о чем говорит И. В. Сталин, ни того, что для языка народности и национального эти диалекты являются не посторонним, чужеродным телом, а составной их частью. Иными словами, в основном словарном фонде и грамматическом строе языков народностей и в современном составе известных национальных языков есть два слоя категорий и форм, разных по объему и составу. Один слой, преобладающий по объему, является по составу общим для всех носителей данного языка народности или нации; это — слова и формы, которые знают и употребляют все представители той или иной народности или нации, независимо от местожительства; например, в русском языке, когда он был еще языком народности, к ним относились и в национальном языке относятся слова *вова, рука* и грамматические формы *нет рук, в руки, стереги* и т. п. Другой слой, меньший по объему, является по составу разным для носителей отдельных местных диалектов и в той или иной своей части общим для носителей только одного или нескольких местных диалектов: это — слова и формы, которые знает и употребляет лишь часть представителей той или иной народности или нации, таких, которые живут в какой-нибудь одной местности; например, в русском языке, когда он был еще языком народности, представители южных и северо-западных диалектов, как отмечено выше, употребляли название *смерд*, а представители северо-восточных диалектов (в пределах Ростово-Суздальской Руси) в том же значении употребляли слова *ситота*, или *крестьянин*; представители северных диалектов употребляли, как известный слой *северян* еще и до сих пор употребляет, формы типа *с рукам, с ногам, пирог с грибом, стереги*, а представители южных — формы типа *с рукам, беречь*.

Но эти два слоя языковых элементов — общенародный и диалектно-областной — не существуют раздельно или самостоятельно, а составляют вместе основной словарный фонд и грамматический строй одного языка народности или нации. Поэтому, если начинается концентрация местных диалектов, т. е. образование единых категорий и форм на месте диалектно-областных различий, например, установление в общерусском употреблении термина *крестьянин* или форм типа *с руками, беречь* на месте нескольких разных слов и форм прошлого, то нельзя не видеть, что это преобразование в направлении к единству происходит не где-либо за пределами языка народности или нации и не только на периферии языка, а в основном словарном фонде и грамматическом строе этого языка. Поэтому совершенно очевидно, что происходящая при образовании национального языка концентрация местных диалектов, возникающий и развивающийся национальный язык по основному словарному фонду и грамматическому строю неизбежно делается отличным от языка народности, именно — более единым.

Показательно, что к мысли о том, будто по основному словарному фонду и грамматическому строю национальный язык от языка народности ничем не отличается, проф. Г. Д. Санжеев пришел не в результате своего

¹⁰ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 43.

собственного или чьего-либо анализа состава какого-нибудь одного или нескольких языков в известную пору их истории, а в результате ложного умозрительно-го заключения. Именно, он ставит перед собой вопрос, происходят ли в основном словарном фонде и грамматическом строе языка при преобразовании его в национальный какие-либо изменения, отличающие его от языка народности, «существует ли вообще» такое отличие, и заключает, что, «поскольку нация... складывается именно в связи с изменением в экономическом базисе общества, ... положительный ответ на эти вопросы уже означал бы признание структурного изменения языка в зависимости от каждого данного изменения в экономическом базисе»¹¹. Так как зависимости изменений в составе языка от «каждого данного» изменения в базисе признать нельзя, то из этого дальше Г. Д. Санжеев и делает тот вывод, что национальный язык от языка народности по составу ничем не отличается.

Проф. Г. Д. Санжеев не замечает, что его заключение о принципиальной неправомочности положительного ответа на поставленные вопросы лишено оснований, является несостоятельным и потому служить опорой для каких-либо дальнейших выводов не может.

Проф. Г. Д. Санжеев имеет в виду изменения в базисе, происходящие при преобразовании народности в нацию, т. е. установление «общности экономической жизни», образование общенародного, национального рынка, короче говоря — экономическую концентрацию народности. Значит, по заключению Г. Д. Санжеева, если допустить, что экономическая концентрация народности, происходящая при преобразовании ее в нацию, вызывает изменения в составе языка народности, то нужно будет признать, что «каждое данное» изменение в базисе должно вызывать изменения в составе языка...

Но ведь это ложное заключение. В этой же статье проф. Г. Д. Санжеев сам его опровергает. Для такого заключения нужно было бы предварительно показать, что по последствиям для истории языка экономическую концентрацию народности, происходящую при преобразовании ее в нацию, можно приравнять к «каждому данному» изменению в базисе; между тем сам проф. Г. Д. Санжеев в другом месте своей статьи пишет, что «указанные товарищем Сталиным факторы и причины, обуславливающие большие изменения в развитии языка, действуют с особой силой в период образования и развития национального языка и проявляются в это время более ощутимо, чем когда-либо раньше»¹². Проф. Г. Д. Санжеев не замечает, что своим заключением он вступает в прямое противоречие с известными положениями классиков марксизма; он ищет основания не признавать зависимости изменений в составе языка от экономической концентрации народности, но забывает, что Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» о «концентрации диалектов в единый национальный язык» прямо говорят, что она обусловлена «экономической и политической концентрацией» общества¹³.

Проф. Г. Д. Санжеев признает, что в период образования национального языка «изменяется» словарный состав языка, признает, что за этот период «улучшается» грамматический строй. Но тут же неожиданно заявляет, что в период становления нации «в языке изменяется очень многое, но только не структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд»¹⁴. Это последнее положение проф. Г. Д. Санжеева про-

¹¹ Сб. «Вопросы языкознания...», 1952, стр. 332.

¹² Там же, стр. 333.

¹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, 1937, стр. 414.

¹⁴ Сб. «Вопросы языкознания...», 1952, стр. 333

тиворечит фактам действительной истории языков и искажает известное положение И. В. Сталина об устойчивости «основы языка». И. В. Сталин указывает, что основной словарный фонд на протяжении многих эпох «сохраняется во всем основном», т. е. изменяется очень медленно, что «грамматический строй языка изменяется еще более медленно, чем его основной словарный фонд»¹⁵, а у проф. Г. Д. Санжеева получается так, будто есть эпохи, например эпоха образования национального языка, когда основной словарный фонд и грамматический строй языка... не изменяются. В первом издании своей статьи проф. Г. Д. Санжеев так и писал, что в период становления нации грамматический строй языка «улучшается, но не изменяется»¹⁶. Теперь, во втором издании, он уже говорит, что грамматический строй в этот период «улучшается, но в корне не изменяется»¹⁷. Но такая поправка не снимает общей неправильности построения. Во-первых, с новой формулировкой остается в противоречии то, о чем во втором же издании говорится несколько выше, именно: будто изменяется очень многое, только не основной словарный фонд и не грамматический строй. Во-вторых, новая формулировка объективно означает только то, что изменения и улучшения в языке, происходящие при преобразовании его в национальный, для нового качественного состояния языка не существенны. Но ведь «в корне» за какой-либо период язык измениться вообще не может, между тем национальный язык по отношению к соответствующему языку народности является, несомненно, качественно новой ступенью в развитии языка, поэтому следует считать, что те изменения в основном словарном фонде и грамматическом строе, какие происходят при преобразовании его в национальный, в действительности для образования этого нового качественного состояния являются существенными. Таким образом, позиция проф. Г. Д. Санжеева по этому вопросу в целом является противоречивой и запутанной.

ОТ РЕДАКЦИИ

Вопрос, поднятый в заметке В. И. Панова, — один из важнейших в изучении исторического развития языков. Этот вопрос остается мало изученным и не разрешенным; в то же время по нему имеется большая литература, относящаяся в основном ко времени 30-х — 40-х гг. и отражающая типические ошибки «нового учения» о языке. Редакция считает целесообразным, в связи с заметкой В. И. Панова, дать критический обзор работ, посвященных вопросу о развитии от языка народности к национальному языку. См. помещаемую ниже «Библиографическую справку» (стр. 126—135 настоящего номера журнала).

¹⁵ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, 1952, стр. 25.

¹⁶ Сб. *«Вопросы языкознания...»*, 1950, стр. 110.

¹⁷ Сб. *«Вопросы языкознания...»*, 1952, стр. 333.